

Чернякова Н.С.

доктор философских наук, профессор кафедры этнокультурологии,
Российский государственный педагогический университет
им.А.И.Герцена

**МЕТОДИКА АНАЛИЗА ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТЬ»
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ**

Аннотация

В статье рассматриваются методические вопросы анализа понятия «ценность» в процессе изучения культурологических проблем. Автор обращает особое внимание на необходимость различать содержание понятий «ценность» и «значимость».

Ключевые слова: культура, ценность, значимость, смысл.

Keywords: culture, value, significance, sense.

С момента введения термина «ценность» в область теоретического познания в первой половине XIX в. размышления о ценностях являются неотъемлемой частью культурологического познания, а ценности как объект философского и культурологического исследования не утрачивают своей актуальности.

Тот факт, что аксиология как теория ценностей непосредственно касается изучения вечных вопросов человеческого бытия, обуславливает особое отношение к аксиологическим проблемам как философов и ученых, так и читающей публики. Глубокая укорененность ценностей в общественном сознании и заинтересованность широкого круга не только специалистов, но и образованных людей в их изучении привели к тому, что о ценностях сегодня говорят и пишут так, как если бы аксиология являлась не областью культурологического (философского и научного) познания, а

сферой обыденного сознания, пребывая в которой можно не заботиться ни о философско-методологическом анализе понятий, ни о логической последовательности в развертывании исходных принципов, ни о понимании той цели, для достижения которой термин «ценность» был когда-то введен в философию и теорию культуры.

Вот почему первым шагом в процессе обсуждения любых культурологических проблем, связанных с ценностями, должна быть постановка вопроса о том, какой именно аспект человеческой деятельности, отличный от оценок, норм, благ, идеалов и т.п., термин «ценность» обозначает? Какой специфический смысл в него вкладывается?

Необходимо особо подчеркнуть, что определение понятия «ценность» через такие родовые понятия, как «идеал», «норма», «убеждение», «представление», не дает возможности выделить ценности в отдельный класс феноменов культуры, если в качестве видового признака ценностей указывается их «значимость». Происходит это потому, что значимостью обладают не только идеалы, нормы, убеждения, представления, но и бесчисленное множество других явлений как культурного, так и природного миров. И если то, что обозначается термином «ценность», обладает какой-то «особой значимостью», то следует раскрыть, в чем именно эта значимость состоит. В противном случае, придется отождествить ценности с любыми явлениями, имеющими значение (обладающими значимостью) для человека. Именно такое отождествление и является господствующим в современной культурологической литературе.

Не случайно поэтому, чем большее число так называемых «ценностных систем» исследуют социологи, политологи, историки, культурологи, тем труднее становится понять: что все эти системы объединяет, превращая их именно в *ценностные*, а не какие-нибудь иные? Ведь если ценностями считается «все то, что имеет значение для человека», то к ценностям могут быть причислены практически все продукты как

культуры, так и природы, потому что «все и вся» где-нибудь, когда-нибудь, для какого-то субъекта культуры может иметь значение.

Возникает следующий вопрос: можно ли считать теоретически обоснованным и эмпирически оправданным такой подход, при котором под «ценностями» понимается все, что имеет хоть какое-то значение для субъекта культуры, начиная с хлеба насущного и кончая представлениями о смысле человеческой жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть некоторые из наиболее очевидных следствий трактовки ценностей как «любых значимых для человека явлений».

Во-первых, подобное понимание ценностей целиком и полностью укладывается в обыденные представления каждого здравомыслящего человека о том, что существует множество явлений, значимых для людей, и что значимое для одних людей не имеет значения для других. Подобные представления формируются в процессе жизни у каждого человека без помощи всякой науки или философии. Исследование физиологических, психологических, исторических, социологических и любых иных причин различий во вкусах и предпочтениях может быть интересным в рамках соответствующих наук при решении конкретных научных задач, но не является достаточным основанием для формирования особой отрасли гуманитарного познания – аксиологии.

Во-вторых, попытка представить «аксиосферу культуры» как всего лишь «иерархию предпочтений» того или иного субъекта делает в принципе невозможным отличие культуры от некультуры, или антикультуры, а самого субъекта культуры – от дрессированного животного. Если исходить из предпосылки, что предпочтения могут быть любыми (как и их иерархии), то завершать рассуждение придется выводом о том, что геноцид и людоедство – это тоже «всего лишь» дело вкуса. Если же предпочтения субъекта ограничены его социокультурной сущностью и, по определению, не могут быть какими угодно, то должно существовать основание, по которому

те или иные предпочтения оцениваются как должные или не должные. Сторонники отождествления ценностей со значимыми явлениями, а самих значимых явлений с предпочтениями не учитывают того, что для всего сущего есть границы меры, переходя которые, любые изменения приводят к качественному преобразованию данного сущего. Именно поэтому есть предпочтения, которые превращают человека в животное и исключают из сферы культуры.

Одного этого методологического следствия достаточно, чтобы утверждать, что далеко не все, что значимо для того или иного субъекта, может именоваться «ценностью». Из того бесспорного факта, что для каждого субъекта культуры существуют «более» и «менее» значимые явления, вовсе не следует, что все эти явления есть именно «ценности». Напротив, каждая новая попытка упорядочить, ранжировать, стратифицировать или иерархизировать то, что именуется «ценностями», обнаруживает свою полную несостоятельность.

Для того чтобы понять, какие именно феномены культуры побудили философов ввести в свои рассуждения понятие «ценность», следует обратиться к некоторым наиболее существенным моментам реальной истории зарождения аксиологических исследований культуры.

Кант впервые в истории философии осознал наличие особой деятельности разума (духа), которая состоит в том, что разум сам по себе, в силу своей собственной природы формулирует *регулятивные идеи Бога, бессмертия души и свободы* как онтологические характеристики того мира, в котором субъект реализует свои устремления к любым целям [См.: 1]. Именно с момента выдвижения Кантом основоположения о регулятивных идеях разума и начинается история познания того, что сегодня привычно именуется *ценностным отношением* человека к миру. Однако историческая заслуга введения в философию понятия «ценность» принадлежит не Канту, а неокантианцам.

В идее «царства ценностей» состоит суть и непреходящее значение того, что принято именовать «неокантианской концепцией», потому что именно в этой форме выразилось неокантианское понимание уникальности того места, которое занимают ценности в жизнедеятельности человека. Тот факт, что Г.Риккерт – один из создателей неокантианской концепции – наделил ценности особым статусом и изначально связал «царство ценностей» с вопросом о смысле человеческого существования, открывал путь к пониманию подлинного онтологического статуса ценностей в структуре Бытия [См.: 2]. Нет ничего более далекого от сути неокантианской концепции ценностей, чем снижение онтологического статуса ценностей до уровня простых значимостей, уничтожающее метафизический смысл понятия «ценность». История ценностей – это вовсе не история вкусов и предпочтений, а история поиска ответов на фундаментальные вопросы о смысле человеческого бытия и конечных целях человеческих устремлений, сам факт существования которых в культуре радикально изменяет жизнь людей. Подобно идеям самого Канта о самозаконотворительствующей природе разума, идея существования в культуре особого смыслового пространства, или «царства ценностей», имеет непреходящий характер и с течением времени лишь проявляет свои эвристические возможности, поскольку открывает путь к познанию глубинных уровней сущности культуры.

То, что ценности «значат», или имеют значение для человека, не подлежит сомнению [См.: 3]. Понимание этой сущностной черты ценностей объединяет все аксиологические концепции, даже в том случае, если эти концепции по-разному трактуют способ связи ценности со значимостью. Однако, отождествление понятий «ценность» и «значимость», глубоко укорененное в обыденном сознании, уводит познание в сторону от понимания того специфического рода сущностей, каковыми являются ценности.

В качестве того, что удовлетворяет некую потребность человека, ценности являются благом и обладают такой же значимостью, как и любое иное благо. Вопрос, однако, в том, какую именно потребность, или потребность в *чем*, удовлетворяют блага, именуемые «ценностями»?

Ценности представляют собою особый род значимостей именно потому, что удовлетворяют фундаментальную потребность человека в *осмысленности существования*, или *обоснованности целей* деятельности. Никакое иное материальное или духовное явление, кроме того, которое и отражается в понятии «ценность», не может удовлетворить этой насущной и глубочайшей потребности человека как субъекта культуры.

Быть ценностью может лишь то, что является элементом смыслового пространства культуры, то, что воплощает в себе конечные цели-смыслы человеческой жизнедеятельности. И наоборот: только сознательно положенные самим субъектом конечные цели становятся элементами смыслового пространства человеческого бытия, или фундаментальными ценностями. Если сами ценности и могут рассматриваться как результаты оценки по значимости, то объектами оценки в этом случае выступают только и исключительно конечные основания оценочных суждений. А эти основания устанавливаются субъектом социокультурной деятельности в результате *свободного полагания смысла*.

Специфика ценностного отношения человека к миру состоит, таким образом, в том, что оно есть отношение *смыслополагания*, или смысло-творчества, результатом которого является установление тех *предельных, конечных оснований*, по которым производится оценка всех явлений культуры. В качестве конечных оснований человеческой деятельности ценности не могут быть обоснованы никакими иными, более высокими или фундаментальными целями, ибо являются в рамках культуры такими конечными и самодовлеющими целями, относительно которых вопросы «Для

чего?» или «Зачем?» могут иметь лишь один ответ: «Для того, чтобы быть человеком, а не животным».

Необходимо обратить особое внимание на ряд важных следствий, вытекающих из понимания ценностей как конечных целей-смыслов человеческой деятельности.

Во-первых, деление ценностей на положительные и отрицательные, материальные и духовные оказывается бессмысленным. Ценность всегда значима и всегда имеет только и исключительно «положительный», или «позитивный», характер. То, что имеет «негативный», или «отрицательный», характер, ценностью в принципе быть не может. Ценность всегда духовна, потому что ценность есть *конечный смысл*, который выступает как обоснование всех иных смыслов и целей человеческой социокультурной деятельности.

Во-вторых, каждая из ценностей есть самоцель и не может быть средством достижения чего бы то ни было, кроме самой себя. Если ценности и можно отождествить с целями, то лишь – с конечными, т.е. такими, которые являются целями «самими по себе», несут в себе собственное обоснование и именно поэтому становятся основаниями для выбора любой другой цели. Иначе говоря, ценности – это не просто цели (предпочитаемые объекты или образы желаемых результатов), а те *основания*, которые делают возможным выбор цели.

В-третьих, введение таких дополнительных определений, как *внутренние, высшие, базовые, фундаментальные, основные* и т.п. для *Истины, Добра и Красоты* свидетельствует о подходе к ним как к ценностям в собственном смысле. *Истина, Добро и Красота* образуют три измерения духовного пространства человеческой жизнедеятельности, или «святую троицу» ценностей, как нередко именовали их философы XX в. В конечном счете, именно устойчивая культурно-историческая традиция, наделяющая Добро, Красоту и Истину *особым статусом* в структуре

духовного мира человека, подвела философов в XIX в. к идее существования особых феноменов, получивших наименование «ценности».

Литература

1. Кант, И. Критика практического разума. / И.Кант. – Соч.: В 6-ти т. М.: Мысль, 1963–1966. Т.4, ч.1.
2. Риккерт, Г. О понятии философии./ Риккерт, Г. Философия жизни: Пер. с нем. /Г.Риккерт. – Киев: Ника-Центр, 1998. – 512 с.
3. Шелер, М. Формализм в этике и материальная этика ценностей.// Шелер, М. Избр. произведения: Пер. с нем./ Пер. Денежкина А.В. и др.; Под ред. Денежкина А.В. /М.Шелер. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 490 с.